

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Ли Ли

Литературное творчество русской эмиграции в Шанхае (1940-е гг.)

Специальность 5.9.1. Русская литература
и литературы народов Российской Федерации

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2026

Диссертация подготовлена на кафедре истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова

Научный руководитель: *Зыкова Галина Владимировна,*
доктор филологических наук, доцент

Официальные оппоненты: *Кихней Любовь Геннадьевна,*
доктор филологических наук, профессор,
Московский университет имени А.С. Грибоедова,
Международный институт журналистики, телевидения
и медиакоммуникаций, кафедра истории журналистики
и литературы, заведующий кафедрой

Куликова Елена Юрьевна,
доктор филологических наук, доцент, Институт
филологии Сибирского отделения Российской
академии наук, сектор литературоведения, ведущий
научный сотрудник

Сенина Екатерина Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент, Московский
государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел
Российской Федерации, факультет международных
отношений, кафедра китайского, вьетнамского,
бирманского, тайского, лаосского и кхмерского языков,
доцент

Защита диссертации состоится «08» октября 2026 года в 16 часов 00 минут на заседании диссертационного совета МГУ.059.2 Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, Ленинские Горы, д. 1, стр. 51, 1-й учебный корпус МГУ, филологический факультет, ауд. 11.

E-mail: sovets@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В.Ломоносова (Ломоносовский просп, д.27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/4049>

Автореферат разослан «__» _____ 2026 года.

Ученый секретарь

Диссертационного совета

доктор филологических наук, доцент

О.С.Октябрьская

Общая характеристика работы

Предлагаемая работа посвящена литературному творчеству русской эмиграции в Шанхае (1940-е гг.). До 1932 года Харбин являлся центром русской эмигрантской литературы в Китае. Затем социальные условия изменились, основные литературные силы Харбина переместились на юг и Шанхай постепенно утвердился как второй центр русской эмигрантской литературы. Создавая свои произведения в чуждом культурном пространстве, эмигранты вступали в диалог с китайской культурой; городские пейзажи, традиционная китайская культура и столкновение цивилизаций Востока и Запада стали ключевыми темами их произведений.

Исследования русской эмигрантской литературы ранее преимущественно фокусировались на Харбине. Хотя существуют работы о русской диаспоре в Шанхае¹, до недавнего времени они имели характер краткого обзора², были посвящены частностям³ или практическим вопросам бытования текстов⁴. Впервые русская литература, созданная эмигрантами в Шанхае, была рассмотрена как особый феномен в монографии Ли Синьмэй⁵ (к сожалению,

¹ См. прежде всего: 汪之成. 上海俄侨史. 上海: 上海三联书店. 1993 (*Ван Чжичэн*. История русской эмиграции в Шанхае. Шанхай, 1993), 汪之成. 近代上海俄国侨民生活. 上海: 上海辞书出版社. 2008. (*Ван Чжичэн*. Жизнь русских эмигрантов в Шанхае в современную эпоху. Шанхай, 2008).

² Кириллова Е.О. Владивосток – Харбин – Шанхай в судьбе дальневосточных поэтов // Проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы: Вестник факультета русского языка и литературы Университета китайской культуры. Тайбэй, 2012. Вып. 13. С. 147–162; Хисамутдинов А.А. Русская словесность в Шанхае. Эл. ресурс. Владивосток, 2014. Режим доступа: <http://www.dvfu.ru/web/soh/nauka>; 王亚民. 中国现代文学与俄侨文学中的上海—以 20 世纪 20–30 年代为中心. 兰州学刊. 08(2015): 6–11 (*Ван Яминь*. Шанхай в китайской современной литературе и литературе русских эмигрантов: 1920-е–1930-е годы // Вестник Ланьчжоу. 2015. № 08. С. 6–11).

³ Петрова Е.В. Джоконда как поэтическая тема шанхайского сборника «Остров» // Молодежь XXI века: шаг в будущее. Материалы XXV региональной научно-практической конференции. Благовещенск, 2024. С. 120–121, Хисамутдинов А.А. С именем Пушкина в сердце // Русские страницы Шанхая. Владивосток, 2016; Хэ Минь, Ли Синьмэй. Многоликость Шанхая в русской эмигрантской поэзии в Китае // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2018. № 3 (34). С. 118–134.

⁴ Солодкая М.Б. Издательская деятельность русской эмиграции в Китае: Харбин, Шанхай: 1917–1947 гг.: дисс. ... канд. историч. н. Краснодар, 2006; Трубилова Е.М. Периодические издания русской эмиграции в Шанхае. М., 2013. С. 313–406.

⁵ 李新梅. 上海俄侨文学研究. 上海: 上海三联书店, 2024. (*Ли Синьмэй*. Шанхайская литература русской эмиграции. Шанхай: Shanghai Sanlian Shudian, 2024).

пока этот труд существует только на китайском языке). Ли Синьмэй описывает причины переселения русских эмигрантов в Шанхай и историю этого переселения, литературные сообщества, условия жизни (материальные и культурные). В эстетическом отношении исследовательница оценивает русскую литературу в Шанхае как результат сложного синтеза, объединение воспоминаний о русском реализме классической эпохи (нередко проникнутых ностальгическим чувством), влияний разных течений Серебряного века и китайской классической литературы. Основным предметом внимания исследовательницы оказывается явление культурной памяти, определяемой пережитой травмой, связанной с революцией, войной и бегством. Отдельная тема этой книги — то, каким в восприятии эмигрантов предстает Шанхай, главной чертой которого является разнообразие: Шанхай оказывается то частным эпизодом в странствиях, то городом стали, современной промышленной цивилизации, городом, где переплетены бедность и богатство; он мягкий и экзотичный, как водные края Цзяннани, но в беспокойные времена может стать городом сатаны. Собраны и интерпретированы случаи обращения русских авторов к другим городам (Харбину, Пекину), к традиционным праздникам, жизни простого народа и др. Особенно подробному анализу подвергается творчество П.А. Северного, Н.И. Ильиной и Л.Н. Андерсен.

Ли Синьмэй описала некоторые наиболее значимые литературно-художественные объединения русской эмиграции в Шанхае 1920-х–1930-х гг.: «Понедельник», «Вторник», «ХЛАМ» (другое название «Среда»), «Четверг», «Шанхайскую Чураевку» (другое название «Пятница») и др. Однако о действовавшем позднее, в 1940-е гг., литературном кружке «Пятница», а также о явившемся результатом деятельности этого кружка коллективном поэтическом сборнике «Остров» (1946; этот сборник Валерий Перелешин считал высшим достижением поэтов своего круга) Ли Синьмэй не упоминает. Можно, следовательно, констатировать, что литературное творчество русской эмиграции в Шанхае в 1940-е гг. до сих пор не получило исчерпывающего освещения в науке.

Потребность в таком освещении определяется не только присутствием в шанхайской диаспоре одаренных поэтов и тем, что по крайней мере для некоторых из них шанхайский период был важным этапом личной творческой эволюции, но и некоторыми отличительными особенностями культурно-исторической ситуации, в которой оказались в 1940-е годы русские поэты на Востоке. Пребывая на протяжении долгого времени в китайской культурной среде, они начали воспринимать Китай как вторую родину, нередко выступали в роли посредников, знакомили русскоязычного читателя с китайской культурой (так, существующие исследования уже указывают на явную внутреннюю связь поэзии В. Перелешина с даосской философией, однако конкретные формы её литературного выражения до сих пор не получили систематического и глубокого анализа). Недостаточной изученностью литературы, находящейся «между» Востоком и Западом, и определяется **актуальность** предлагаемой работы, особенно в наше время, когда потребность в таком культурном посредничестве очевидна как никогда ранее.

Степень научной разработанности темы и вопрос о доступности источников. К настоящему времени о литературе русской эмиграции, в том числе и «восточной ветви», написано многое, прежде всего русскими учеными, работавшими как в России, так и на Западе (среди них Е.П. Таскина, Э. Штейн, Е. Витковский, О.М. Бакич, В.П. Крейд, А.А. Забияко, Е.В. Сенина, Е.О. Кириллова, А.А. Хисамутдинов, Г.В. Эфендиева, Г.В. Мелихов, Т.М. Соловьёва, В.В. Агеносов, О.Ф. Кузнецова, О.А. Бузуев, Е.Ю. Куликова, Е.В. Капинос, М.Б. Солодкая и другие), а также китайскими учеными (Ли Янлен, Дяо (Дяо) Шаоха, Ван Чжичэн, Ли Мэн, Ван Яминь, Ли Иннань, Гу Юй, Гао Вэньхуа, Ли Синьмэй, Цзя Юннин, Цзан Юньмэй, Чжоу Цинмин, Лю Чуньфу, Чжан Юаньюань и т.д.).

В последние десятилетия активно собираются, републикуются, а иногда и публикуются впервые посвященные «дальневосточной» русской литературе документальные материалы. Среди наиболее содержательных воспоминаний

назовем принадлежащие Ю. Крузенштерн-Петерец (1903–1983) поэту и журналисту, участнице поэтического кружка «Пятница», а также «Два полустанка» В. Перелешина, обнародованные сравнительно поздно мемуары В.А. Слободчикова, поэта и филолога, участника литературных объединений «Чураевка» (Харбин) и «Понедельник» (Шанхай). Постепенно становятся доступны некоторые частные архивы и книжные собрания⁶. Появляются все более полные биобиблиографические справочники, опирающиеся, в частности, на ставшие отчасти доступными подшивки периодических изданий эмиграции «восточной ветви», обзорные описания разных видов деятельности⁷.

Выше мы с сожалением упомянули о том, что в фундаментальном труде Ли Синьмэй не обсуждается значимый, как мы считаем поэтический кружок «Пятница»; вообще же, однако, в последние десятилетия о нем, как и вообще о литературных объединениях Шанхая, пусть кратко, но все же писали: назовем здесь прежде всего О.М. Бакич, собравшую свидетельства современников и впервые предложившую содержательное описание сборника «Остров»⁸.

Собираются сведения о жизни поэтов, собираются и републикуются стихи, как в России, так и за ее пределами. Выходят как антологии⁹, так и книги

⁶ См., напр.: Архив Валерия Перелешина в Отделе рукописей ИМЛИ РАН: Литераторы русской диаспоры Китая 1930–1940-х годов: По материалам Кабинета архивных фондов эмигрантской литературы им. И.В. Чиннова / Отв. ред.-сост. О.Ф. Кузнецова. М., 2020; *Кузнецова О.Ф.* Светлый круг Лариссы Андерсен. Письма Л. Андерсен В. Перелешину // *Новый журнал*. 2012. Кн. 268. С. 241–249; *Нинник В.А.* О моей переписке с Лариссой Николаевной Андерсен // *Русский Харбин, запечатленный в слове*. Вып. 7. Культура и литература дальневосточной эмиграции в архивах, письмах, воспоминаниях. Благовещенск, 2017. С. 162–195; *Резвый В.А.* К будущему изданию стихов В.Ф. Перелешина // *Русский Харбин, запечатленный в слове*. Вып. 7. С. 196–210, и др.

⁷ См., в частности, работы А.А. Хисамутдинова: По странам рассеяния: Русские в Китае. Ч. 1. Владивосток, 2000; Русские в Китае. Исторический обзор. Шанхай, 2010; Толстые литературные журналы в Китае («Дальний Восток», «Желтый лик», «Китай», «Понедельник», «Врата», «Прожектор», «Парус», «Русские записки» и «Феникс») // *Русское зарубежье*. 2016. № 5. С. 195–216. Много полезных сведений о литературной деятельности «восточной ветви» эмиграции, в т. ч. и в Шанхае, содержится, напр., в кн.: *Кузнецова Т.В.* Русская книга в Китае (1917–1949). Хабаровск, 2003.

⁸ *Бакич О.М.* Остров среди бушующего моря / История шанхайского литературного кружка «Пятница» // *Новый журнал*. 2005. № 239. С. 174–200.

⁹ Остров Лариссы: антология стихотворений поэтов-дальневосточников / сост. Э. Штейн. Orange, 1988; Русская поэзия Китая: Антология / сост. В. Крейд, О. Бакич. М., 2001; Песни с Востока: Сб. стихотворений харбинских и шанхайских поэтов / сост. В.С. Нагель, О.А. Копецкая. North Plympton, 1989.

отдельных авторов, в том числе сопровождаемые научным аппаратом¹⁰.

Исследования осложняются тем, что большая часть архивных материалов утеряна, а доступ к сохранившимся в Китае источникам ограничен. Источники рассеяны по архивам и частным коллекциям по всему миру, причём значительная часть этих материалов до сих пор не привлекла внимания исследователей.

В самом Китае до конца 1980-х гг. работы, посвященные русской эмиграции, по идеологическим причинам не публиковались. Однако энтузиасты существенно раньше занялись сбором материалов, редких и находящихся под угрозой исчезновения. Наиболее важны здесь заслуги Ван Чжичэна (1940–2023), коллекция которого насчитывает более трех тысяч единиц (периодические издания, книги и иные документы), и Ли Янлена (род. 1940), составителя выходившего с 2002 г. пятитомной антологии произведений русских эмигрантов в переводах на китайский и выходившей с 2005 г. десяти томной антологии на русском языке. В 2011 г. состоялась презентация оцифрованной коллекции 100-томного собрания Ли Янлена «Культурное наследие русских эмигрантов в Китае»: это собрание русских газет (как указано на сайте Государственного архива Российской Федерации, издание включает цифровые копии 22 вида газет), выходивших в Китае до и во время Второй мировой войны. Другой важной фигурой в деле поиска и систематизации разрозненных материалов из Харбина, Шанхая, Пекина и других городов был Дяо Шаохуа (1934–2001), которому удалось сохранить множество ценного¹¹.

До сих пор, однако, внимание библиографов привлекает в основном более

¹⁰ Так, О. Бакич составила собрание стихотворений М. Визи, «A moongate in my wall» (2005), изданное в США, наиболее полное на данный момент собрание ее поэтических произведений и переводов. См. также: *Хаиндрова Л.Ю.* Сердце поэта / сост. Т.В. Пищиковой. Калуга, 2003 (в книгу вошли стихотворения, рассказы, воспоминания, дневники, отрывки из писем М.П. Григорьева, А. Несмелова, В. Перелешина, Т.В. Пищиковой и фотоматериалы); *Щеголев Н.А.* Победное отчаянье / сост. А.А. Забияко и В.А. Резвого; подгот. текста и примеч. В.А. Резвого; послесл. А.А. Забияко. М., 2014; *Андерсен Л.Н.* Одна на мосту / сост. и вст. ст. и прим. Т.Н. Калиберовой; послесл. А.А. Хисамутдинова. М., 2006; *Андерсен Л.Н.* Цветы березы: Книга лирики / сост., предисл. и прим. Т.Н. Калиберовой. Владивосток, 2018; *Перелешин В.Ф.* Стихотворения и поэмы. В 2 тт., 3 кн. М., 2018.

¹¹ *Дяо (Дяо) Шаохуа.* Литература русского зарубежья в Китае (в г. Харбине и Шанхае): Библиография (Список книг и публикаций в периодических изданиях). Харбин: Бейфан Вен-и, 2001.

доступный и обильный позднейший материал. Например, Гао Вэньхуа был составлен опубликованный в 2022 г. на китайском и русском каталог русскоязычных изданий периода Китайской Республики в фондах Хэйлунцзянской провинциальной библиотеки. Гао Вэньхуа указывает, что даже эти более поздние и вышедшие во времена сотрудничества КНР и СССР издания крайне редки в России.

В последние годы благодаря появлению новых источников информации – сетевых библиотек и библиографических баз данных – для китайских ученых оказался открыт доступ к периодическим изданиям и другим материалам, вывезенным во второй половине 1940-х гг. из Китая и отложившихся в западных хранилищах. Полезен, в частности, доступный в сети сводный каталог периодики русского зарубежья, где есть сведения не только об истории изданий, но и о местах хранения экземпляров.

Внимание китайских исследователей привлекают фигуры наиболее ярких поэтов: так, для предпринятого нами исследования поэзии Перелешина важной опорой оказалась посвященная в основном творчеству Перелешина и А. Несмелова монография Ли Мэн¹². Китайские ученые говорят о месте поэзии Перелешина в русской литературной традиции, о связи его произведений с наследием Серебряного века (так, Дяо Шаохуа видит у Перелешина развитие принципов поэтики акмеизма, Ван Яминь находит следы влияния символистов и футуристов), а также политическим взглядам поэта, его этике и религиозности; особенно много пишут о деятельной любви, которую Перелешин испытывал к Китаю как своей второй родине; анализируются выполненные Перелешиним переводы с китайского на русский (в частности, Ли Женьянь сопоставляет перелешинский перевод «Дао Дэ Цзин» с переводом Ян Синшуня, показывает, как удается передать звучание китайской классической поэзии; Гу Юй, сам

¹² 李萌. 缺失的一环:在华俄国侨民文学[M].北京:北京大学出版社, 2007. (*Ли Мэн. Потерянное звено: Литература русского зарубежья в Китае. Пекин, 2007*). См. также: *Li Meng. Russian émigré literature in China: a missing link. Doctoral dissertation. University of Chicago, 2004.*

имеющий богатый опыт переводчика, оценивает перевод «Лисао»). Отмечают возможное влияние китайской классической поэзии и философии на оригинальную поэзию Перелешина, в том числе на стихи, описывающие Китай или стилизующие китайскую поэтику (Дяо Шаохуа и др.); Гу Юй видит в стихах русского поэта не только идеи, характерные для китайской картины мира, но и «художественное воспроизведение» некоторых концептуальных принципов поэтики¹³, воплощаемых не только в литературе, но и в визуальных искусствах: каллиграфии и живописи. Иногда констатируются неизбежные различия между европейским и китайским менталитетом, однако такой подход в китайской русистике мало распространен.

Китайские ученые публикуют свои работы о литературе русской эмиграции как на китайском языке, так и на русском; в тематическом и методологическом отношении исследования разнообразны: от решения конкретных источниковедческих вопросов до концептуальных обобщающих работ (см., напр., монографию Лю Чуньфу «Литература русской эмиграции в Китае и традиционная китайская культура», 2021 (на кит. яз.).

Исследования китайских русистов концентрируются на двух ключевых аспектах: во-первых, анализируется образ России, воплощенный в различных литературных жанрах; во-вторых, то, как создается образ Китая как «второй родины» (изображение пространства, в том числе городского, культурных особенностей, религиозных практик и др.).

Так, в монографии Цзан Юньмэй и О. Богдановой¹⁴ исследуется обращение к древнекитайской поэзии, например, образ журавля, восходящий к Бо Цзюи, в стихотворении В. Марта «Ду Хэ», мотивы военной лирики Ли Чи в сборнике Б. Волкова «Дракон, пожирающий солнце...», трансформация образа из классического текста Ду Му в «Красных листьях под инеем» Перелешина,

¹³ Чжан Юаньюань. Изучение творчества Валерия Перелешина в Китае // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 1. С. 145.

¹⁴ Богданова О.В., Юньмэй Цзан. «Восточная ветвь» русской поэтической эмиграции (1920–1940-е годы). СПб.: Алетейя, 2023.

связь стихотворения Ю. Крузенштерн «Ян Гуйэ-Фей» (1949) с поэмой Бо Цзюи «Чан-хэнь гэ» (Песня вечной печали), а также то, как Перелешин и Март стилизовали хронотопические и жанровые особенности классической китайской поэзии.

Отдельные интересные наблюдения были представлены в написанной по-русски диссертации Цзя Юннин (2019), рассмотревшей образ Китая в поэзии А. Несмелова и Перелешина; обсуждается, в частности, то, как Перелешин использует некоторые жанры китайской классической поэзии (ши, цы), создавая образ Китая как «второй Родины» через символы (лотос, луна, Пекин) и жанровые эксперименты, включая спорную линеаризацию «Дао Дэ Цзин». Если Несмелов концентрируется на «внешнем» Китае как эстетически совершенном, но чуждом пространстве, то Перелешин достигает органичного культурного диалога, соединяя христианские и даосские идеи¹⁵.

Китайские исследователи изучают как известных, так и малоизвестных русских литераторов, включая поэтесс, о которых ранее писали очень мало, например, А.П. Паркау¹⁶, Л.Ю. Хаиндровой¹⁷, Л.Н. Андерсен¹⁸, Ю. Крузенштерн¹⁹, М.П. Коростовец, М.И. Колосовой²⁰ и др. Тексты некоторых из этих авторов до сих пор не собраны, как и сведения об их жизни (особенно после отъезда из Китая). Среди тех поэтесс, о которых известно менее всего, —

¹⁵ Цзя Юннин. Образ Китая в поэзии Арсения Несмелова и Валерия Перелешина. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2019.

¹⁶ Цзюй Сюэпин. «Взгляд на Китай» в произведениях поэтессы-эмигрантки А.П. Паркау // Клио. 2024. № 2 (206). С. 72–75.

¹⁷ 张岩, 李延龄. 论俄侨女诗人莉·哈茵德洛娃诗歌创作. 俄罗斯文艺, 2012, (01): 45–49. (Чжан Янь, Ли Яньлин. О поэтическом творчестве поэтессы русской эмиграции Л. Хандровой // Русская литература и искусство. 2012. № 1. С. 45–49.).

¹⁸ Лалетина О.С., Фу Тяньци. Методологические проблемы исследования литературы восточной ветви русской эмиграции: лирика Л.Н. Андерсен в аспекте межкультурной коммуникации // МИРС. 2018. № 4. С. 88–92; Ли Синьмэй. Культурная идентичность в самосознании русских литераторов-эмигрантов в Китае (на примере творчества П.А. Северного, Н.И. Ильиной и Л.Н. Андерсен) // Вестник Рязанского гос. ун-та им. С.А. Есенина. 2023. № 1 (78). С. 141–151.

¹⁹ Богданова О.В., Цзан Юньмэй. Восточные мотивы и образы в поэзии Юстины Крузенштерн // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 3. С. 595–601.

²⁰ Ван Е. Образ орла в женской лирике восточной ветви русской эмиграции (на примере стихотворений Марианны Колосовой) // Вестник КалмГУ. 2016. № 4 (32). С. 67–77.

Мария Павловна Коростовец, участница кружка «Пятница».

Также среди недостаточно, на наш взгляд, исследованного — русская литературная рецепция философского трактата «Дао Дэ Цзин». В русском Китае были созданы три версии обработки трактата: стихотворная версия Перелешина, поэтическая проза Коростовец, перевод, выполненный автором, скрывшим себя под псевдонимом «Синолог»; насколько нам известно, сколько-нибудь подробно обсуждалось в науке только переложение Перелешина, хотя все три версии представляют собой яркий случай обращения носителей русской культуры к даосской традиции.

Хотя об интересе Перелешина к даосизму упоминали (например, Цзя Юннин в названной нами выше диссертации), однако отражение даосских идей и образности в художественном творчестве поэтов «восточной ветви» заслуживает, думается, более пристального и подробного анализа. Так, не подвергалась всестороннему изучению связь поэзии Перелешина с идеями даосского мыслителя Чжуан-цзы. Выявленные лакуны открывают перспективы для проведения настоящего исследования.

Целью настоящего исследования является выявление своеобразия «дальневосточной» русской поэзии 1940-х гг. Этой цели служит решение следующих **задач**:

- выявить основные этапы, через которые прошла русская эмигрантская литература в Шанхае в 1930-х–1940-х гг.;
- соотнести поэзию диаспоры и метрополии, обнаружить в текстах «дальневосточных» поэтов отсылки к русской литературной традиции и к русской поэзии модерна;
- оценить масштаб и характер рецепции китайской культуры в поэтических текстах шанхайского периода;
- выявить структурные особенности сборника «Остров», позволяющие оценить его как гетерогенное художественное целое;
- выявить присутствие даосской философии в переводческой

и оригинальной поэтической деятельности В.Ф. Перелешина, определить особенности перехода поэта от перевода к художественному творчеству;

– установить объем и границы корпуса произведений М.П. Коростовец, определить характер их поэтики и проблематики в контексте русской «дальневосточной поэзии».

Такие задачи обусловили необходимость комплексного методологического подхода.

Использовались следующие **материалы**: тексты, созданные самими русскими эмигрантами, находившимися в Шанхае, включая воспоминания и художественные произведения; различные эмигрантские издания, выходившие в Китае в рассматриваемый период (например «Шанхайская заря» (Шанхай, 1925–1940), «Феникс» (Шанхай, 1935–1936), «Слово» (Шанхай, 1929–1941), «Современная женщина» (Шанхай, 1937–1941), «Понедельник» (Шанхай, 1930–1934), «Врата» (Шанхай, 1934–1935), «Эпоха» (Шанхай, 1941–1950), «Прожектор» (Шанхай, 1928–1937) и т.д. Кроме того, что можно найти в библиотеках России, мы обращались и к цифровым ресурсам русского зарубежья (RADC) Гуверовского института при Стэнфордском университете, Музея русской культуры в Сан-Франциско и Библиотеки Йельского университета²¹. Источники из Китая представлены главным образом «Каталогом русскоязычных изданий периода Китайской Республики в фондах Хэйлунцзянской провинциальной библиотеки», подготовленным Гао Вэньхуа и выпущенным Национальной библиотекой Китая на китайском и русском языках.

Предметом настоящего исследования является своеобразие литературного творчества поэтов русского Шанхая (в основном в 1940-е гг.) и особенности его эволюции.

Основным **объектом** нашего исследования является коллективный

²¹ Йельский и Стэнфордский университеты признаны в РФ нежелательными организациями.

поэтический сборник «Остров» (Шанхай, 1946), произведения членов литературного кружка «Пятница», стихи которых вошли в этот сборник, корпус текстов Марии Павловны Коростовец в его полноте, а также выполненные Коростовец и Перелешиним свободные переводы-интерпретации «Дао Дэ Цзин» и стихи Перелешина, в которых проявляется влияние даосского наследия.

Хронологические рамки настоящего исследования охватывают преимущественно литературное творчество русской эмиграции в Шанхае 1940-х гг. Именно на этот период приходятся такие значимые явления литературной жизни Шанхая, как возникновение литературного кружка «Пятница» (1943) и выход сборника «Остров». Художественные тексты, рассматриваемые в работе, – в частности, произведения поэтов В. Перелешина, М. Коростовец, Н. Щеголева, М. Волина, Л. Хаиндровой, Н. Петереца, Л. Андерсен и других – в основном принадлежат указанному десятилетию (а некоторые, написанные позднее, отражают его исторический опыт). Именно на эти годы приходятся некоторые другие значимые литературные события: выход специального номера журнала «Эпоха», посвящённого десятилетию памяти Лу Синя (1946), переводческая работа Светлова над поэмой Ай Цина «К солнцу» (1946) и появление русских версий перевода «Дао Дэ Цзин», выполненных Коростовец и Синологом.

Мы учитываем, что литература русской эмиграции в Шанхае тесно связана с литературой «восточной ветви» русской эмиграции, развивавшейся на предшествующих этапах (хотя бы потому, что основные культурные силы (особенно поэтические) после начала 1930-х годов пришли в Шанхай из Харбина. Поэтому мы обращаемся к некоторым более ранним литературным явлениям как к необходимому историческому контексту.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что, говоря о творческой биографии отдельных литераторов Шанхая (например, Перелешина, Коростовец), мы уделяем внимание их произведениям, созданным после отъезда из Китая. Так, важная для нас теория «недосказа» была сформулирована Перелешиним в его

письмах к И. Чиннову в 1970-х гг.; автобиографическая «Поэма без предмета», описывающая, в частности, шанхайскую литературную жизнь, и перелешинский перевод «Дао Дэ Цзин» также были завершены в бразильский период. Поздние поэтические произведения Коростовец, опубликованные в журнале «Оккультизм и Йога», мемуары других поэтов русской эмиграции Шанхая (например, Л. Андерсен, Ю. Крузенштерн, Л. Хаиндровой) и т.д. – все эти более поздние свидетельства оказываются значимым комментарием, позволяющим лучше понять литературное творчество русской эмиграции в Шанхае 1940-х гг.

Таким образом, хронологические границы исследования можно охарактеризовать следующим образом: в центре нашего внимания находятся 1940-е годы, предыстория охватывает конец 1920-х – 1930-е гг., а материалы последующих периодов (1950-е – 1980-е гг.) служат дополнением.

Научная новизна работы состоит в том, что она предлагает обобщающее исследование поэтического творчества русской эмиграции в Шанхае 1940-х гг., в ней впервые подробно рассматривается сборник «Остров» (1946) как своеобразное художественное целое, а также впервые становится предметом исследования интерпретаторская работа литераторов русского Шанхая, обратившихся к важнейшим явлениям классической китайской философии (прежде всего «Дао Дэ Цзин»).

На основании проведённого анализа выделяются три типологические модели рецепции китайской культуры в творчестве русских литераторов-эмигрантов: аналогизирующая рецепция, при которой китайские реалии осмысляются через призму существующих категорий русской литературной традиции; декоративная рецепция, при которой элементы китайской культуры функционируют в произведении как экзотический колорит или орнаментальный фон; трансформирующая рецепция, при которой китайская мысль становится конститутивным фактором художественного мировоззрения автора и формирования его поэтики.

Опираясь на библиографический указатель русской эмигрантской книжной

и периодической печати, составленный Дяо Шаохуа²², мы впервые вводим в широкий исследовательский контекст малоизвестное литературное наследие М. Коростовец, показываем, как взаимодействуют в ее творчестве мистические и исторические мотивы, как оказавшийся в инокультурной среде поэт вводит (прежде всего на тематическом уровне) в свои стихи реалии, символы и мифологемы китайской культуры.

В работе предложен системный анализ отсылок в поэзии Перелешина к даосским каноническим текстам (прежде всего к Чжуан-цзы), показаны пути художественного освоения даосской мысли и динамика этого процесса. На основе комплексного рассмотрения поэтических текстов Перелешина, его переписки и мемуаров выявляется глубокое влияние даосской философии на его творчество. Тем самым показано, что в литературе русской шанхайской эмиграции осуществлялась активная рецепция китайской культуры.

Степень достоверности положений и выводов диссертационного исследования достигается системным анализом значительного корпуса текстов и применением различных методов изучения предмета.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется впервые предпринятым изучением литературных процессов и творческих стратегий шанхайского периода в истории русской эмиграции 1940-х гг. как целостного культурного феномена, а также тем, что осуществленное нами привлечение и анализ новых данных проясняют механизмы межкультурного диалога.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в практике преподавания и изучения и как истории русской литературы, так и истории межкультурных коммуникаций, прежде всего русско-китайских литературных связей, а также в практике издания произведений поэтов-эмигрантов.

²² Дяо Шаохуа. Литература русского зарубежья в Китае (в г. Харбине и Шанхае): Библиография (Список книг и публикаций в периодических изданиях). Харбин, 2001.

Базовым методом исследования является историко-литературный, восходящий к традициям русской филологической школы. Мы стремимся рассматривать литературные явления в их исторической обусловленности и изменчивости, уделяя внимание конкретным условиям создания текстов – биографическим, социальным, культурным. Применительно к нашему материалу это означает, что произведения, созданные русскими поэтами в Шанхае (1940-е гг.), рассматриваются в контексте литературной жизни эмиграции: деятельности литературного объединения «Пятница», издания альманахов и сборников, общей интеллектуальной атмосферы.

Необходимость анализа переводов «Дао Дэ Цзин», выполненных Перелешиним и Коростовец, потребовала от нас внимания к методологии сравнительного литературоведения, к концепции Н.И. Конрада, развивавшего идеи А.Н. Веселовского о существовании общих закономерностей развития национальных литератур, в том числе принадлежащих к далёким друг от друга культурам.

Вслед за Б.М. Эйхенбаумом и В.М. Жирмунским мы понимаем обращение к «чужому» (проявляющееся, в частности, в создании переводов и переложений разного типа) как явление, обусловленное внутренними процессами, происходящими в развитой национальной литературе, и решающее прежде всего внутренние задачи: обновления поэтического языка, усложнения картины мира, поиска новых духовных ориентиров в ситуации культурного разрыва. Рассмотренные с этих позиций, переводы «Дао Дэ Цзин» на русский язык могут быть поняты как законный объект исследования не только для переводоведения как специальной дисциплины, но и для истории литературы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Литературная деятельность русской эмиграции в Шанхае прошла через этапы первоначального формирования (1917–1932), развития (1932–1941) и творческого подъема, происходившего в тяжелых исторических условиях (1941 – начало 1950-х).

2. Литературное творчество русской эмиграции в Шанхае (1940-е гг.) является продуктом множественных исторических условий: испытывая влияние японской оккупации и особой среды периода «острова», оно сохраняло внутреннюю связь с русской традицией. Русская классика – в первую очередь Пушкин и Чехов – наряду с наследием Серебряного века выступала в роли «культурного якоря», удерживая национальную идентичность в условиях чужого окружения.
3. Сборник «Остров», вышедший в 1946 году, представляет собой художественное целое, объединённое сквозной символической структурой, в которой центральное место занимает тема духовного изгнания, воплощённая в образе пустыни. Обращение поэтов к Достоевскому осуществлялось преимущественно через скрытые отсылки и ассоциативные переключки, что позволило их творчеству органично вписаться в общий контекст рецепции Достоевского в русской эмиграции.
4. Поэзия Марии Коростовец соединяет европейский мистицизм с элементами китайской культуры. Авторская интерпретация восточного материала – исторического, философского, мифологического – осуществляется через западные теософские идеи и традиции русской поэзии (в том числе с опорой на претексты, например, поэзию Ф. Глинки). Анализ творческого наследия Коростовец показывает, что мистицизм был для неё не экзотикой и не просто личным увлечением, а неотъемлемой частью повседневного сознания.
5. Выполненные В. Перелешиним, М. Коростовец, Синологом переводы «Дао Дэ Цзин» представляют процесс и результаты поиска духовного утешения в условиях изгнания.
6. В. Перелешин постепенно переходит от рациональной чёткости акмеизма к поэтике недосказанности, прямо переключаясь

с даосским представлением о языке. Поэтика Перелешина демонстрирует уникальный синтез, в котором русский модернизм и даосская философия взаимно обогащают друг друга, расширяя горизонты художественного мира. Творческий опыт Перелешина служит ярким примером того, как русские литераторы воспринимали, интерпретировали и осваивали чужую культуру.

Апробация работы. Диссертация была подготовлена на кафедре истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. По теме диссертации было опубликовано 4 статьи общим объемом 2,39 п.л. в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В.Ломоносова по специальности и отрасли наук. По теме диссертации были прочитаны доклады на шести международных научных конференциях. Диссертация прошла **предзащиту** на кафедре истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова 16 июня 2026 года.

Структура работы продиктована целями и задачами исследования. Диссертация состоит из шести глав, введения, заключения, библиографии, насчитывающей 346 наименований. Полный объем диссертации составляет 255 страниц.

Основное содержание работы

Во введении обозначаются предмет и объект исследования, обосновывается актуальность темы, излагаются цели и задачи, раскрываются методология, теоретическая и практическая значимость работы. Анализируется степень разработанности темы, формулируются положения, выносимые на защиту, обосновывается научная новизна проведённого исследования и степень достоверности его результатов. Приводится обзор источниковой базы и истории изучения вопроса, причем предложено подробное описание работ китайских ученых, в том числе недавних и написанных на китайском языке. Названы некоторые малоизученные авторы и проблемы, к которым мы обращаемся ниже в исследовании.

Глава I, «Русская литературная эмиграция в Шанхае: исторический и литературный контекст», содержит описание условий формирования и этапов истории русского литературного сообщества в Шанхае, основанное как на работах наших предшественников, так и на изучении источников (художественные тексты, воспоминания, переписка, периодические издания и т. д.).

Параграф **1.1** представляет собой краткий очерк, суммирующий основные исторические факты, предопределившие появление русской диаспоры в Китае.

Параграф **1.2** посвящен формированию шанхайского литературного сообщества в условиях «великого исхода» из Харбина. Описывается ситуация 1917–1932 гг., когда Харбин был центром русской диаспоры эмиграции в Китае, а шанхайское литературное сообщество только формировало свою предысторию; подробнее мы останавливаемся на 1932–1941 гг., когда в Шанхай переселяется значительная часть русских литераторов и возникают литературные объединения «Шанхайская Чураевка», «Понедельник» и содружество ХЛАМ.

Основываясь на биографических и творческих сведениях о русских поэтах-эмигрантах в Китае, мы систематизировали данные о русских

литераторах-эмигрантах, перебравшиеся из Харбина в Шанхай в 1930-х – 40-х гг. и на этой основе рассмотрели литературную деятельность русского Шанхая в 1930-х гг.

Показано, что в русской эмигрантской литературе 1930-х гг. ясно прослеживается переход от Харбина к Шанхаю. В отличие от Харбина, открытая международная среда Шанхая позволила русской эмигрантской литературе постепенно выйти за пределы задачи воспроизведения национальной традиции и перейти к конструированию идентичности в многокультурной среде.

Последний период, наиболее тяжёлый в материальном и политическом отношении (1941 – начало 1950-х гг., § 1.3), оказался парадоксально продуктивным в литературном плане: в 1943 г., в разгар японской оккупации, был основан кружок «Пятница», а в 1946 г. появилась поэтическая антология «Остров».

В 1940-х гг. русские поэты опубликовали несколько поэтических книг в различных городах Китая (не все они нам, правда, сейчас доступны). Выходили коллективные сборники: кроме представляющего для нас особенный интерес шанхайского «Острова» (1946), в Харбине вышли «У родных рубежей» (в 1941 и 1942 гг.) и «Лира» (в 1945).

Сжатое пространство военного Шанхая, жизненные трудности и тревога за самоидентификацию не только определяли повседневный опыт русской эмигрантской общины, но и находили отражение в литературных произведениях. В параграфе 1.4 (*«Шанхай как “серый город” в русской поэзии 1940-х гг.»*) показано, как атмосфера подавленности порождает в стихах очень разных русских шанхайцев устойчивый мотив «серого», присутствующий прежде всего в изображении города (анализируются произведения В. Перелешина, Н. Щеголева, О. Скопиченко, Н. Петереца, Л. Хаиндровой, М. Волина, О. Тельтофт, В. Янковской, Е. Даль); противоположным полюсом художественного осмысления военного времени оказывается образ «весны», который связывается с представлениями о возрождении, православной Пасхе,

духовном сопротивлении. Эта обратная зависимость между сужением физического пространства и расширением пространства духовного составляет одну из определяющих черт шанхайской литературной эмиграции.

Предметом главы II («**“Свой”**: отсылки к русской литературной традиции и к русской поэзии модерна в творчестве поэтов русского Шанхая в 1940-е гг.») являются формы присутствия отечественной литературной традиции в творчестве дальневосточных поэтов. В параграфе 2.1 обсуждается проявление отношения к Пушкину как основе национальной идентичности: от институционализированных «Дней русской культуры» и Пушкинских торжеств 1937 г. через прозаические интерпретации образа Пушкина («Косая мадонна» П. Северного, роман Н. Резниковой «Пушкин и Собаньская») к поэтическому диалогу с пушкинским каноном (прежде всего в «Поэме без предмета» Перелешина).

Параграф 2.2 посвящен Чехову как герою и адресату стихов шанхайских поэтов. Систематизированы публикации о Чехове в периодике «русского Китая», предложена их типология (биографические, литературно-критические, мемуарные) и проведён сравнительный анализ откликов на чеховское наследие: стихотворений Л. Хаиндровой «А.П. Чехов» (1940), В. Перелешина «К Чехову» (1944) и М. Волина «Стихи о Чехове» (1988), представляющих три различных модели поэтической рецепции: реконструкцию мира пьесы «Три сестры», духовный диалог и элегическое созерцание. В чеховских героях шанхайские поэты узнавали собственную судьбу.

Прослежены образы других русских классиков, на материале стихотворений М. Волина «Тютчев» (1988) и Ю. Крузенштерн-Петерс «Тургенев» (1960) (§ 2.3). Вслед за другими исследователями мы обращаемся к вопросу о наследии модернизма (§ 2.4), прежде всего поэзии Гумилева (мы разбираем в этом аспекте стихи Перелешина) и Ахматовой.

Глава III — «**“Чужой”**: рецепция китайской культуры в литературе шанхайской эмиграции в 1940-х гг.». На основании свидетельств Перелешина

(статья «Русские поэты-переводчики на Дальнем Востоке», 1970) проанализирован «двойной барьер», препятствовавший рецепции китайской культуры: психологическая установка на временность изгнания и объективная сложность овладения китайской письменностью. Констатируется, что большинство русских эмигрантов в Китае на протяжении десятилетий оставались культурно изолированными от страны пребывания (§ 3.1).

В § 3.2 рассмотрены образы Китая в поэзии шанхайской эмиграции в их этнографическом и символическом аспектах. В частности, в стихах М. Волина Шанхай предстает как пространство хаоса и отчуждения (например, «Город и годы» (1943), «Стихи о Китае» (1943), «Разные люди» (1943)).

В § 3.3 дан общий очерк рецепции китайской философской традиции, прежде всего даосизма; некоторые характерные особенности этой рецепции проявились, в частности, в статье И.И. Серебренникова «Лаоцзы и даосизм» (1941), демонстрирующей типичный способ понимания китайской философии русскими эмигрантскими интеллектуалами – аналогическую модель, основанной на сближающем сопоставлении восточного и западного. Упоминаются также выполненные русскими шанхайцами переводы «Дао Дэ Цзин», которые станут объектом более подробного рассмотрения ниже, в § 6.2.

Некоторое внимание уделено также рецепции современной китайской литературы (§ 3.4), прежде всего творчества Лу Синя: рассматриваются, в частности, посвященный памяти Лу Синя выпуск шанхайского литературного журнала «Эпоха» (№ 133, 15 октября 1946 г.), вышедшее в 1949 г. в Шанхае издание «Лу Синь. Рассказы, статьи, письма», в котором активно участвовал как переводчик Перелешин: ему принадлежат русские версии не только стихов Лу Синя, но и шести статей о нем.

Переводческая деятельность русских эмигрантов в области современной китайской литературы продолжалась до начала 1950-х гг. Так, в 1951 г. пекинско-шанхайское издательство «Эпоха» выпустило под редакцией

В.Н. Рогова книгу «Освобожденный Китай: сборник рассказов китайских писателей».

На основе проведенного анализа нами предложена трёхчастная типология моделей рецепции «чужой» культуры: аналогическая (уподобление незнакомого явления знакомому: Лу Синь как «китайский Горький»), рамочная (интерпретация «чужого» текста через устойчивую мировоззренческую систему переводчика: теософский перевод «Дао Дэ Цзин» М. Коростовец) и трансформативная (обратное воздействие «чужого» на самого воспринимающего: эволюция поэтики Перелешина под влиянием даосской философии). Данная типология служит аналитическим инструментом для последующих глав диссертации.

Глава IV, «Коллективный поэтический сборник “Остров” (1946) как целое», анализирует поэтическую антологию, ставшую, пожалуй, основным итогом творчества русских поэтов, оказавшихся в Шанхае.

В параграфе **4.1** предложен очерк деятельности кружка «Пятница»: описаны обстоятельства его создания, состав участников, декларируемый уход в «неполитизированную» литературу и поэтизация мира эмоций; определено место кружка в жизни дальневосточной литературной эмиграции. Эстетическая программа кружка «Пятница» представляла собой осознанную попытку создать профессиональное литературное сообщество с внутренними критериями качества.

Сборник «Остров» (1946), рассмотренный нами как гетерогенное художественное целое, обнаруживает единство прежде всего не на уровне поэтики: его авторов объединила общая экзистенциальная ситуация (§ 4.2).

В § 4.3 рассмотрен раздел «Светильник» как отражение исторического опыта — затемнения в годы войны. Тема отключения электричества и угасания светильника в стихах разных поэтов подается как тема физического исчезновения мира (Померанцев), космического апокалипсиса (Андерсен), потери разума (Перелешин), магии последней памяти (Щеголев), исчерпания

жизненных сил (Петерец), прощания (Коростовец), невозможности сохранения (Хаиндрова), борьбы света с тьмой (Иевлева). Для всех этих авторов угасание светильника — символическое выражение экзистенциального кризиса.

Из двадцати разделов поэтического сборника подробному анализу в работе подвергаются также «Пустыня» и «Достоевский». Стихи раздела «Пустыня» (§ 4.4 «Образ пустыни в сборнике “Остров” (1946): духовное изгнание и аскеза») объединены темой скитаний, которая для эмигрантов имела очевидно автобиографический характер. Особое (прежде всего географическое) положение поэтов «восточной ветви» определило возможность взаимодействия условного, символического плана традиционного поэтического образа — и реальности, исторической, географической, этнографической. Такое взаимодействие могло оказаться плодотворным в художественном смысле: происходила «реализация метафоры» (как когда-то превратились в реальные условно-поэтические оковы в поэзии декабристов).

Обсуждая раздел «Достоевский», мы оказались вынуждены выйти за пределы не только круга поэтов «Острова», но и «восточной ветви» эмиграции и привлечь для сравнения стихи и статьи других авторов: для русских эмигрантов, в том числе и оказавшихся на Западе, как и вообще для русской, и, шире, мировой культуры в XX веке, Достоевский оказался важнейшей фигурой. В параграфе § 4.5 «Образ Достоевского: к проблеме рецепции писателя в эмиграции» анализируются произведения Игоря Северянина, А. Несмелова, В. Померанцева, Владимира Набокова, а также собственно стихи из «Острова»: Н. Щеголева, Л. Хаиндровой, В. Иевлевой, Ю. Крузенштерн, М. Коростовец, Перелешина, Н. Петереца, Л. Андерсен. Образ Достоевского многолик — он пророк и мученик, юродивый и безумец, творец и разрушитель. Эмигранты, также пережившие политические преследования, также мятущиеся между верой и сомнением, также ищущие смысл в страдании, возможно, видели в Достоевском близкие себе черты. Говоря о Достоевском, они находили в этом

способ обработки собственного травматического опыта, сублимируя личные страдания в духовный поиск универсального значения.

В главе V, «Творчество Марии Павловны Коростовец: проблематика и поэтика», впервые предпринято систематическое исследование поэтического наследия одной из наименее изученных участниц кружка «Пятница».

Обзор творческого пути поэтессы в биографическом и литературном контексте (§ 5.1) позволил выявить два полюса её художественного мира: историческое и мистическое начала, и показать их укоренённость в широком контексте дальневосточной эмигрантской культуры. Мистические идеи в поэзии Коростовец, отражавшие увлечение, в частности, теософией, были характерны для настроений, унаследованных от Серебряного века, для повседневного сознания дальневосточной русской диаспоры. Наследие Коростовец показывает, как русская поэтесса-эмигрантка, глубоко погружённая в западную эзотерическую традицию (теософия, астрология, учение о перевоплощении), в восточной среде постепенно включает в свой духовный кругозор классическую китайскую культуру (Ли Бо, «Дао Дэ Цзин») и индо-тибетские буддийские традиции (майя, Миларепа). Её поэтический мир – не замкнутая эзотерическая система, а динамическое духовное пространство, постоянно открытое новым культурным ресурсам (§ 5.2).

В параграфе 5.3 проанализировано стихотворение об императрице Цы Си (1946) как пример пересечения западного и восточного мифологических образов: западного феникса и китайского фэнхуана. Коростовец противопоставляет свой образ Цы Си распространённому представлению об императрице как жестокой, консервативной и безнравственной. Создавая свой образ императрицы, Коростовец использует гендерную двойственность фэнхуана в китайской мифологии. Эта двойственность соотносится с положением Цы Си, которая, будучи женщиной, проявляла в управлении государством традиционно «мужские» качества. Вслед за русскими беллетристами, изображавшими, например, детство будущей Екатерины Великой, Коростовец раскрывает

«простую» и «детскую» грань образа императрицы, показывая человечность исторической фигуры. Таким образом, в стихотворении Коростовец осуществляется синтез культурных символов и мифологических образов.

Для стихотворения «Пекин» (1942) выявлен претекст, которым мы считаем известное стихотворение «Москва» пушкинского современника Ф. Глинки (§ 5.4). Сравнение позволяет продемонстрировать механизм «рамочной» модели рецепции: восточный (пекинский) материал организуется по лекалам русской поэтической традиции. Своеобразное отождествление Москвы и Пекина, происходящее в стихах Коростовец, имеет прецеденты в словесности «восточной ветви» русской эмиграции²³.

В главе VI «Творчество Валерия Перелешина и традиции даосизма» мы представляем поэтическую эволюцию наиболее значительного представителя «восточной ветви» русской эмиграции в аспекте его взаимодействия с китайской философской традицией, выявляем внутреннюю логику перехода от акмеистического идеала «рассудочной ясности» к авторской теории «недосказа» и далее — к глубинному взаимодействию с даосской философией. Этот переход не был внешне обусловленным заимствованием, а представлял собой органическое развитие собственной поэтики: теория «недосказа» обнаруживает структурную близость с даосским принципом «постигнув смысл, забудь о словах» (§ 6.1).

Русские поэты-эмигранты, оказавшись между разными культурами, искали в даосской мысли успокоение для своих страдающих в изгнании душ. Их

²³ Ср. в очерке Вс.Н. Иванова «Пекин», опубликованном еще в 1931 г.: «Красные стены окружают резиденции императора. И когда вы смотрите на эти цветистые, красные стены, цветные изразцы, что покрыли их, на золотые знаки на синем поле над коваными воротами, на позолоту шпилей — так и видите — Москва. В центре Пекина — Кремль. Не хватает лишь колокольни Ивана, чтобы иллюзия эта стала совершенной. Какими же узами связаны мы, русские, с Китаем? Кто был он, кто, побывав в Китае, вывез нам каменную сказку китайского Кремля, или, вернее, саму фантастику сказки, просветленную у нас и христианством наших церквей, и цветущими душистыми коврами лугов по холмам берегов Москва-реки? В Москве — Китай город».

духовное состояние оказывается близким к умонастроению интеллектуалов эпохи Вэй-Цзинь: и те и другие, будучи не в силах изменить внешние обстоятельства, обращались к поиску духовной свободы. Сравнительный анализ трёх переводов «Дао Дэ Цзин», предпринятых Перелешиним, Коростовец и неизвестным «русским шанхайцем», подписывавшимся «Синолог», продемонстрировал, каким образом мировоззренческие установки определяют стратегию перевода и, в конечном счёте, образ «чужой» философии в принимающей культуре (§ 6.2).

Мир, отраженный в поэзии Перелешина, переживает динамическую трансформацию. Это хорошо показывает эволюция образа бабочки в его поэзии: от ранней «пленной бабочки» (как символа несвободы, тоски, закрытости) к позднейшей «бабочке во сне» (воплощению даосского принципа снятия границы между субъектом и объектом). Сопоставление с В. Набоковым как «контрфигурой» позволило определить специфику картины мира Перелешина: если Набоков представляет путь «знания через обладание» (научная точность, эстетика фиксации), то Перелешин – путь «знания через растворение», восходящий к философии Чжуан-цзы. Два крупнейших русских писателя-эмигранта, используя один и тот же образ, подключаются к двум принципиально различным философским традициям – западноевропейской и дальневосточной, что само по себе свидетельствует о многовекторности русской эмигрантской литературы как культурного феномена (§ 6.3).

Заключение

Проведённое исследование позволяет утверждать, что русская литературная эмиграция в Шанхае 1940-х гг. представляла собой уникальный феномен, в котором сохранение «своей» литературной традиции и освоение «чужой» культуры не противостояли друг другу, а образовывали единый процесс культурной трансформации. Поэты «Острова» не просто хранили память

о русской классике в условиях изгнания – они изменялись сами, и следы этого изменения запечатлены в их текстах. Движение от Пушкина к Чжуан-цзы, от акмеистической ясности к даосскому «недосказу», от «пленной бабочки» к «бабочке во сне» – это не смена культурных ориентиров, а их углубление: русская модернистская поэтика, перенесённая на дальневосточную почву, обнаружила в себе потенциал для диалога с китайской философской традицией, который был реализован – пусть и единицами – с подлинной глубиной и художественной убедительностью.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с несколькими направлениями: расширением источниковой базы, углублённым анализом переводов «Дао Дэ Цзин» с привлечением китайских комментаторских традиций, сравнительным исследованием «восточной» и «западной» ветвей русской эмиграции в аспекте рецепции культуры страны пребывания.

Статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук:

1. *Зыкова Г.В., Ли Ли.* Образ пустыни в шанхайском поэтическом сборнике «Остров» (1946) // *Litera.* 2025. № 5. С. 72–79. Импакт-фактор 0,298 (РИНЦ). Объём 0,39 п.л. из 0,59 п.л. EDN: GAXHIU.

2. *Ли Ли.* Китайские ученые о литературе восточной ветви русской эмиграции: обзор исследований за последние десять лет // *Мир науки, культуры, образования.* 2025. № 4 (113). С. 409–412. Импакт-фактор 0,575 (РИНЦ). Объём 0,8 п.л. EDN: GDELAN

3. *Ли Ли.* Западный феникс и китайский фэнхуан в стихотворении М.П. Коростовец о императрице Цы Си // *Litera.* 2026. № 6. С. 109–122. Импакт-фактор 0,298 (РИНЦ). Объём 0,7 п.л. EDN: RASEDQ

4. *Ли Ли.* «Москва» Ф. Глинки как претекст стихотворения М. Коростовец «Пекин» // *Вестник Московского университета. Серия 9:*

Филология. 2026. № 3. С. 189–198. Импакт-фактор (РИНЦ). Объем 0,5 п.л. EDN:
HZKCWY